

княжна. Неужели Онъ не видить какъ мы преданы другъ другу и какъ мы горячо молимся ему за доставленное счастіе?

— Будущее неизвѣстно человѣку, но я въ глубинѣ души ласкаюсь надеждою, что мы будемъ принадлежать другъ другу во всѣхъ вѣковъ.

„Ты не ошибаешься!“ внезапно прозвучалъ въ гротѣ, гдѣ сидѣли молодые люди, таинственный голосъ.

Трияфиль и Мелиса съ ужасомъ вскочили съ мѣста въ предположеніи, что кто нибудь, подслушавъ ихъ разговоры, издѣвается надъ ними, но ни въ гротѣ ни въ окрестностяхъ его никого не оказалось. Изумленные друзья на этотъ разъ разлучились въ какомъ-то необъяснимомъ состояніи.

Тѣмъ временемъ женихъ Мелисы, расчитавъ, что она достигла совершеннолѣтія, пожелалъ лично взглянуть на нее и прибылъ въ Таврику. Престарѣлые родители чрезвычайно обрадовались богатому и знатному зятю. Когда-же онъ заявилъ имъ, что невѣста вполнѣ удовлетворяетъ его вкусу и желаніямъ и что намѣренъ не откладывать бракосочетанія, старики немедленно начали подготовляться къ брачному пиршеству.

Слухи обѣ этомъ скоро дошли до Трияfila, который не допускалъ такого быстраго измѣненія въ своей судьбѣ. Печальнную вѣсть эту подтвердила ему и сама Мелиса.

— Да будетъ надо мною воля Божія—сказала она, прижимаясь къ другу—я увѣрена только въ одномъ, что послѣ разлуки съ тобою глаза мои не осушатся отъ слезъ. Ты для меня былъ и будешь дороже матери и отца, ты выше кровнаго брата и слаже нѣжной сестры. Предъ глазами моими ты вѣчно будешь рисоваться на зеленої полянѣ, окруженный бѣлыми козами, а уста упиваться ароматомъ твоихъ устъ. Конечно это будетъ одно только сновидѣніе, но сновидѣніе самое сладчайшее и единственное для утѣшения моего.

— А мнѣ кажется, что мы никогда не разстанемся—отвѣчалъ пастухъ. Тоже самое мнѣ сказалъ вчера и одинъ изъ пастуховъ, съ которымъ я иногда встрѣчаясь на горахъ, а онъ считается самымъ мудрѣйшимъ въ искусствѣ предсказывать будущее.

— Я не могу къ несчастію повѣрить твоимъ радужнымъ надеждамъ въ виду предстоящей свадьбы и отѣзда моего изъ этой страны. Одно только можно допустить, что ты послѣдуешь за мною и мы, вѣчно принадлежавши другъ другу, будемъ видѣться издали.

— Предоставимъ Богу наше будущее—отвѣчалъ Трияфиль, крѣпко прижимая къ груди своей прелестную хозяйку, и уста ихъ слились по прежнему въ длинный поцѣлуй.

Мелиса ежедневно начала посѣщать друга своего. Отлучки ея конечно обратили вниманіе страстно влюбленного жениха и возбудили въ немъ желаніе убѣдиться, куда и зачѣмъ ходитъ Мелиса въ отдаленные мѣста.

— Она чрезвычайно любить свое стадо бѣлыхъ козъ—заявилъ

отецъ—и съ дѣтства навѣщаєтъ его. Я очень радъ, что это служить поводомъ къ ея прогулкамъ.

Женихъ не отвѣчалъ ничего, но ласкаясь надеждою сблизиться съ чуждавшоюся его подругою вдали отъ людей, рѣшился отправиться за нею въ надеждѣ расположить красавицу къ себѣ. Въ этихъ мечтахъ онъ проснулся раньше обыкновенного и, вооружившись какъ охотникъ, началъ выжидать минуты, когда Мелиса выйдетъ со двора. Княжна не заставила долго ожидать его, потому что послѣ легкаго завтрака сейчасъ-же вышла изъ комнаты. Нѣсколько времени спустя послѣдоваль за нею и женихъ, рѣшившись скрыть отъ нея свою прогулку.

Часъ спустя Мелиса, неподозрѣвавшая стороннаго наблюденія, была уже въ объятіяхъ Трияfila и уста ихъ были крѣпко сомкнуты въ моментъ, когда подкрался къ нимъ князь.

Картина эта настолько возмутила властолюбиваго и ревниваго жениха, что онъ выхватилъ изъ калчана отравленную стрѣлу и что было силы выпустилъ ея изъ лука своего. Смертоносное оружіе пронзило насквозь обоихъ молодыхъ людей, но они остались въ объятіяхъ съ слившимися устами.

Жестокій сынъ архонда не возвращался болѣе къ родителямъ Мелисы.

День спустя разосланные на поиски люди сообщили князю о найденной дочери его. Несчастные родители поспѣшили на мѣсто, но всѣ усилия разнять два тѣла оказались напрасными. За нѣсколько минутъ до погребенія убитыхъ въ Трияфиль узнанъ былъ младшій сынъ Скиескаго царя Скирула, съ которыемъ родители Мелисы были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Молодые люди были похоронены въ сидячемъ положеніи въ одной могилѣ, надъ которой девять дней спустя появились въ большомъ числѣ цвѣты Трияfila (трелистvenника) съ Мелисою (пчелою) въ такомъ точно положеніи, въ какомъ поразила ихъ безжалостная рука.

16 Замокъ безчестія.

(Греческая легенда).

Въ тѣ времена когда Парѳенитъ *) былъ важнымъ коммерческимъ городомъ въ Тавридѣ, къ нему стекались чуть-ли не со всего міра торговые люди. Слѣдя имъ, посѣщали эту восхитительную страну и многіе любознательные архонты и царевичи, которые отъ праздности предавались здѣсь всевозможнымъ пиршствамъ и порокамъ въ полномъ убѣжденіи, что шалости ихъ навсегда останутся неизвѣстными родителямъ и подданнымъ. Вотъ эти послѣдніе, говорившись между собою, построили громадный замокъ съ банями, галлереями, зеркальными стѣнами и фонтанами

*) Нынѣ татарская деревушка того-же имени подъ Медвѣдь-горою.

нами, изъ которыхъ вмѣсто воды струилось чудное вино, не вдали отъ Пароенита на величественной Карабагской горѣ, густо заросшій лаврами и кипарисами, съ которой виднѣлось море на неизмѣримое пространство и откуда до Пароенита и Алустона было не болѣе часа. Ізды.

При замкѣ этомъ состояли на постоянной стражѣ и службѣ около 80 человѣкъ отчаянныхъ молодцовъ, на обязанности которыхъ было и похищеніе самыхъ хорошенійскихъ дѣвушекъ изъ поселеній Тавриды и всей прибережной полосы погна Евксинскаго. Число дѣвъ въ замкѣ не должно было быть менѣе 200, начиная съ 9 до 15 лѣтнаго возраста. Люди эти обязаны были тщательно заботиться о содержаніи и тѣлесной красотѣ плѣнницъ своихъ до прїѣзда господъ. Ихъ откармливали всѣми лучшими яствами мира, ежедневно купали въ молокѣ, натирали тѣло благовонными маслами и никогда не выводили на показъ дневному свѣтилу, чтобы не подвергнуть солнечному загару или вліянію морскаго вѣтра. Кромѣ этого ихъ учили пѣснямъ, танцамъ и гимнастическимъ играмъ.

Но кто были основатели этого величественнаго замка, никому не удалось узнать ихъ именъ. По предположеніямъ однихъ это были сыновья греческихъ царей, а по другимъ соображеніямъ это были архонты и цари, которые ежегодно желали проводить два, три мѣсяца на полной свободѣ вдали отъ подданныхъ и строгихъ проповѣдниковъ морали.

Такъ или иначе, но ежегодно 15 мая къ Карабагской скалѣ подходилъ громаднаго размѣра корабль, изъ котораго высаживалось нѣсколько таинственныхъ лицъ, которымъ укрывались въ замкѣ.

Съ этого дня молчаливая мѣстность ожидалась постоянными звуками музыки и сотни купцовъ направлялись сюда съ лучшими произведеніями мира.

По истеченіи же лѣтнаго периода всѣ юныя восхитительныя плѣнницы замка вмѣсто того, чтобы быть возвращены въ отчество, по одиночкѣ вызывались въ нарочно устроенный павильонъ надѣй неизмѣримою пропастю моря и здѣсь безжалостно предавались отсѣченію головы, какъ преступницы или какъ игрушки никому ненужныя. Послѣ чего гордые и недоступные владыки замка отплывали неизвѣстно куда, а стража ихъ вновь пускалась странствовать съ цѣлью населить проклятое жилище новыми болѣе прекрасными созданіями.

Однажды къ Карабагскому замку противъ обыкновенія прибыло три судна и вмѣсто 8 или 10 гостей высадилось около 50 человѣкъ въ блестательныхъ костюмахъ. Три дня и три ночи сносились съ судовъ вина и различныя лакомства. Какъ только окончилась выгрузка, суда отплыли одно по направленію къ Херсонесу, а другое къ Судаку. Чрезъ нѣсколько дней они возвратились и нѣкоторые пастухи видѣли, какъ съ нихъ спущено было много женщинъ связанными.

Кто онѣ были и откуда захвачены, никто ничего не могъ узнать. Только впослѣдствіи до жителей Пароенита дошелъ слухъ, что изъ Херсонитскаго и Судгайскаго монастырей похищены были монахини и послушницы какими-то корсарами вѣроятно для продажи на рынкахъ Византіи или Египта.

Въ замкѣ снова начались празднества. Но на этотъ разъ нѣрѣдко прохожіе слышали невнятные стоны, какъ будто выходящіе изъ подъ земли. Слухъ объ этомъ вскорѣ достигъ до мѣстнаго митрополита и онъ вывелъ заключеніе, что въ подземельяхъ замка вѣроятно подвергаются насилию одинокія и беззащитныя существа.

Представитель духовной власти рѣшился проникнуть въ это таинственное зданіе, увидѣть его жителей и узнать съ какою цѣлью они прїезжаютъ сюда ежегодно на непродолжительное время. Но лишь только онъ приблизился къ замку, его окружила вооруженная стража и, не принимая никакихъ объясненій, повергла въ темницу.

На другой день къ святителю вошелъ одинъ изъ гостей замка и спросилъ его: зачѣмъ онъ силился проникнуть въ то зданіе, куда не дозволенъ входъ стороннимъ лицамъ?

— Я постыль васъ въ качествѣ дѣ духовнаго отца, обязаннаго знать своихъ прихожанъ и заботиться о благѣ ихъ душъ.

— Ты никогда не узнаешь ни ихъ именъ, ни ихъ отечества—отвѣчалъ неизвѣстный. Но вотъ тебѣ копелекъ полный золота, которое употреби за наши грѣшныя души, и бѣги отъ насъ, дозволявшихъ себѣ одинъ разъ въ годъ юношескія шалости вдали отъ отечества. Въ противномъ случаѣ ты останешься въ этой темницѣ навсегда и тебѣ грозитъ голодная смерть.

— Я послѣдую твоему совѣту только тогда, когда ты пообѣщаешь, что отъ пороковъ вашихъ не заразится никто изъ моей паствы.

— Ты можешь быть увѣренъ въ этомъ, потому что мы никого не допускаемъ изъ мѣстныхъ жителей въ нашъ дворецъ.

— Еще одно слово и я уйду: поклянись, что ты и братя твои не нанесутъ ни малѣйшаго вреда жителямъ митрополии моей.

— Я никогда не призываю Бога въ дѣлахъ шалости, но дабудетъ по желанію твоему. Уходи-же поскорѣе, иначе товарищи и друзья мди, отъ праздности, могутъ насытиться надѣ твоими сѣдинами.

Таинственный человѣкъ ударилъ въ ладоши. Два грозныхъ араба вошли и по приказанію его вывели почтеннаго митрополита изъ подземелья и, проводивъ за рощу лавровъ, приказали ему бѣжать безъ оглядки.

Но не прошло и мѣсяца послѣ этого дня, какъ вдругъ обитатели Пароенита и окрестныхъ селеній поражены были необыкновенными явленіями въ природѣ. Невдали отъ Карабагской скалы разверзлась почва, откуда выступило на громадную вышину

пламя, сопровождаемое миллионами каменных ядеръ, которыя, большинствомъ падая на замокъ безчестія, съ ужасающимъ гуломъ низвергались въ бездну морскую. Когда-же вся постройка была превращена въ безобразныя развалины, послѣдовалъ страшный взрывъ, послѣ которого ни осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ отъ существованія обители зла. Изъ всѣхъ бывшихъ въ замкѣ спаслась какимъ-то чудомъ только одна молодая дѣвушка, оказавшаяся дочерью Судакскаго архонта, которая и повѣдала благочестивому митрополиту какимъ образомъ она съ 20-ю монастырскими послушницами въ темную ночь была похищена изъ монастыря, какъ всѣ онѣ были доставлены въ этотъ вертепъ позора, какимъ подвергались насилиямъ и какъ въ заключеніе вывели ихъ на казнь, но прежде чѣмъ сѣкира палача поднялась надъ головою первой изъ нихъ, показался огонь небесный, со-крушившій всѣхъ злодѣевъ съ ихъ притономъ.

На чёмъ основана эта легенда—трудно опредѣлить; но что Карабагская возвышенность была разрушена землетрясеніемъ до основанія и что изъ кратера вылетали округленныя каменные ядра,—въ этомъ можетъ каждый любопытный убѣдиться при осмотрѣ окрестностей и прибрежной полосы этой части Чернаго моря.

Ай-Тодорскій мысъ.

(Скала Св. Феодора).

Этимъ именемъ обозначается на всѣхъ картахъ Чернаго моря скалистая возвышенность, не вдалекѣ отъ Алушки, извѣстная всѣмъ морякамъ, такъ какъ на ней построенъ прекрасный маякъ, освѣщающій большую часть ю.-в. прибрежья. Ученымъ археологамъ она также знакома, какъ мѣстность, богатая развалинами неразгаданныхъ пока памятниковъ отдаленныхъ вѣковъ. Изъ всѣхъ завѣщанныхъ исторію свѣдѣній, только очень немногія намекаютъ намъ на существованіе въ Тавридѣ около Чимбала, теперешней Балаклавы, княжества Феодорійскаго; но были-ли его резиденція на этомъ мѣстѣ, сохранившемъ свое название и до настоящаго времени или, верстъ за 25ъ къ востоку, подъ Медвѣдь-горою,—чрезвычайно трудно опредѣлить.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, разрѣшеніе котораго въ рукахъ будущихъ археологовъ, мы обратимъ пока вниманіе на народныя легенды, эти смутныя, но любопытныя повѣствованія о такихъ мѣстахъ, прошедшая слава которыхъ въ устахъ позднѣйшихъ поколѣй воспринимаетъ миѳологическій метаморфозъ.

Ай-Тодорская возвышенность, начиная отъ развалинъ древней стѣны, мѣстами напоминающей циклопическую кладку, представляетъ много подземельныхъ построекъ, стѣны которыхъ штукатурены цементомъ, сохранившимся до настоящаго времени въ цѣлости. Были-ли онѣ кавами (погребами), какъ ихъ называли генуэзцы, или жилищами, или же гробницами древнихъ—опредѣ-

лить трудно. Между тѣмъ, простой народъ, никогда не затрудняющійся въ разрѣшеніи недоступныхъ его понятію предметовъ, придумалъ по этому поводу нѣсколько разнообразныхъ легендъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ наружнымъ формамъ этихъ построекъ. Вотъ одна изъ нихъ, разсказанная татариномъ, работавшимъ у меня на раскопкахъ.

Однажды вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ, я сидѣлъ надъ обрывомъ у моря и прислушивался къ страшному рокоту разъяренныхъ волнъ. Услужливому работнику почему-то показалось, что я могу упасть въ пропасть, если долѣе останусь съ устремленными внизъ глазами.

— Встань, ага, или отодвишься назадъ,—сказалъ онъ тихо:— Съ этого проклятаго мѣста многіе уже пали жертвою головокруженія, а недавно соскользнулъ туда нашъ пастухъ вмѣстѣ съ камнемъ, на которомъ сидѣлъ. Вѣднаго принесли домой съ треснувшимъ черепомъ и раздавленною грудью.

Машинально повиновался я его совѣту и послѣшилъ навести рѣчь на интересовавшій меня предметъ.

— Сомнѣваюсь,—отвѣчалъ онъ—что бы въ этой ямѣ намъ удалось найти что-нибудь цѣнное: она, повидимому, много разъ раскапывалась до нашего съ вами рожденія. Но я убѣжденъ, что, если перейти на другое мѣсто, результатъ будетъ счастливѣе, въ особенности, когда не ищешь золота.

Татаринъ можетъ быть былъ и правъ, но мнѣ хотѣлось добраться до фундаментовъ постройки, чтобы составить себѣ понятіе о назначеніи ея. Когда я разъяснилъ ему цѣль моего предпріятія, пораженный татаринъ вскричалъ:

— И ради этого вы тратите деньги? Нѣтъ, ага, такъ не дѣлаются люди благоразумные, и я первый отказываюсь работать у васъ. Съ этими словами онъ повернулся и ушолъ.

Боясь, чтобы онъ не взбудоражилъ остальныхъ работниковъ, я послѣшилъ за нимъ и, нѣсколько минутъ спустя, нашолъ его сидящимъ въ глубокомъ раздумы подъ однимъ изъ большихъ можжевеловыхъ деревъ, которая здѣсь достигаютъ замѣчательной высоты.

— О чёмъ ты задумался?—спросилъ я заискивающимъ тономъ.

— Я думаю какимъ образомъ древніе обитатели этой мѣстности добывали себѣ воду,—надо имѣть большой умъ, чтобы заставить ее взобраться на такую высокую скалу. А что вода доходила до ихъ построекъ,—въ этомъ я сегодня убѣдился, найдя подъ землею глиняныя водопроводныя трубы. Нѣтъ, такихъ вещей не въ силахъ сдѣлать обыкновенный человѣкъ! Ясно, что здѣсь обитали гиганты съ богатырскими силами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ взглянуть на тѣ каменные плиты, которыхъ они кладли на могилы отцевъ, братьевъ и женъ, или на одну изъ стѣнъ, тѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встречаются скалы въ полторы тысячи пудовъ.

Твое предположеніе отчасти справедливо, сказалъ я, чтобы